

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Светлана Храмова

МОЙ НЕПРАВИЛЬНЫЙ
ТЫ

РИПОЛ
КЛАССИК

Москва, 2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х895

Храмова, С.

Х895 Мой неправильный ты / С. Храмова. — М. : РИПОЛ классик, 2016. — 288 с. — (Счастливый случай).

ISBN 978-5-519-65171-4

В основе романа – история сложной, но счастливой любви Риты и Алексея. Эта любовь возникла вопреки всем правилам: Рита – практикующий успешный психолог, она помогает женщинам справиться со сложными жизненными ситуациями, но сама едва ли справляется с собственными проблемами. Ей уже за тридцать, она не замужем и бездетна, и уже не верит, что когда-нибудь сможет быть счастлива с мужчиной, считая себя феминисткой. Но встреча с бизнесменом Алексеем, трагически потерявшим дочь, превращает всю ее жизнь...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Храмова С., текст, 2015
© Федотко В., фото на обложке, 2015
© Издание. Оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2015

ISBN 978-5-519-65171-4

Женщина — это не бесполезное повторение мужчины, а зачарованное место, где осуществляется живая связь человека и природы.

Исчезни она, и мужчины останутся одни, как чужестранцы без паспорта в ледяном мире.

Она — сама земля, вознесенная к вершинам жизни, земля, ставшая ощутимой и радостной; а без нее земля для человека нема и мертва.

Мишель Карруж

I

Воспоминания обрывочные, но даже из трехлетнего возраста кое-что помню. Мы с подругой Майей влюбились в грузинского мальчика по имени Тимур и занимались на балконе у меня дома чем-то непозволительным, мне пять лет, Майе потом запретили приходить ко мне домой.

Мне три года, мы на мотоцикле с братом моего отца, скорость и ветер, платье развевается, тень на дорогу отбрасывается желтая, в черный горошек. Хорошо помню, что тень — желтая в крупный черный горошек.

Мне четыре с половиной, я в детском саду, роль Снегурочки, в девчачью раздевалку ко мне вваливается солдатик, он только что был Дедом Морозом, а я в лифчике с резинками стою, выкрикиваю ему в лицо слова возмущения, с экспрессией, он пугается и исчезает, я с ним больше не разговариваю.

Мне десять лет, дальний родственник, ему двадцать один год, мальчишка, подхватывает меня и крутится вместе со мной, держа за руку и за ногу, странная фантазия у парня, при этом он повторяет: ну и будешь же ты мужикам головы крутить, когда подрастешь! Ситуация анекдотическая, оттого и запомнилась, наверное.

Сердцеед и записной донжуан музучилища, в котором работала мама, сказал ей: а ваша Рита настоящая красавица, она с гордостью мне это повторила — сам Мищенко сказал, он понимает! Но Мищенко-то бабник, даже я знала в свои пятнадцать лет, что это значит, а мама не знала, тоже запомнилось.

Пропустила, еще маньяк в нашем районе орудовал, девчонок от пяти до восьми лет зазывал в подъезд и что-то такое с ними делал, они вырывались. Я шла из библиотеки, с книжкой, мне шесть, дядька у первого дома, мы в третьем по счету жили, я во двор уже вошла: «Покажи, девочка, книжку» — и вот мы уже в подъезде (там удобней читать, нет ветра — дядька сказал), на предложение почитать в подвале (надо спуститься по ступенькам в темноту) я отвечаю гневной пощечиной и вырываюсь на волю. Через два месяца девчонки нашего двора свидетельствовали в суде, дядька оказался маньяком районного масштаба. Помню, что в суде я была, а что там происходило — не помню вовсе. Детская избирательная память, прорывы в тайну, подробностей нет. Но с первых шагов, скользящих шагов на ощупь, в надежде ощутить твердый грунт — воспоминания о первых ростках вот этого гордого «Я — женщина!». Почему?

Понятия не имею, как ты реагируешь. Но ощущаю, когда тебе нравится, а когда нет. Странно, тебе ничего во мне не нравится, а при этом я тебе нравлюсь. Парадокс. Но ты ведь любишь парадоксы. У каждого есть кто-то, единственный в мире. Толпа рассеивается, голосов нет — есть твой голос. Лиц нет. Есть твое лицо. Ты — единственный человек в мире, которого

я могу слушать часами. Мне нравится следить за своими мыслями, я не понимаю, но я пытаюсь понять.

Это уже не воспоминание. Слова, неведомо кому обращенные, адресата не существует. Но я обращаюсь к нему, он — свидетель. Придуманный герой моего романа, но как бы там ни было, с ним интересно. Мы на «ты».

Ты замолчал, но ты ведь не умер. И все, что я пишу, что напишу позже, адресовано тебе, и ты это знаешь. Разве это плохо? Стать главной любовью моей маленькой непутовой жизни. И наблюдать за другими любовями, неглавными.

Погода, погода, листья и шарфики, все перепуталось окончательно. Рита шла медленно, желтое красное зеленое, скукоженные листья, согнанные временем года с привычных мест, шептались под осторожными шагами; мягкое шуршание озвучивает безлюдный парк, Ритины востроносые туфли не дают опавшим спрессоваться в застылом безветрии.

Какая погода потрясающая в городе! В городе Звездеграде, привыкшем жаловаться на дождь и ветер. Прощание с летом и осенью сразу. Повсюду листья, листья под ногами, листья подмигивают с веток, преимущественно зеленым. Оскоминная протяжность восхитительного стоп-кадра. Ощущение, что прозвучит сигнал — и оборвется прелестная песня уходящего времени. Нет-нет, времени года. Или времен? Неважно. Беспечные велосипедистки в мини-юбках и развевающихся по ветру шарфиках, а иногда в ма-

ечках без шарфиков, хотя и не сезон. Велосипедисты, наглые как воробьи, впервые не ощутила никакого раздражения. Пешеходы с благостными лицами настроены мирно и дружелюбно. Улыбаются, есть такой вид улыбки, смягчающий и разглаживающий черты, жесткость улетучивается. Доброта и взаимопонимание. И не только с виду. Из чего напрашивается вывод, что погода определяет сознание.

Впечатление, что интеллигентность — в отрешенности облика, когда тебя имеют, кто это сказал, Рита не помнила. Да и зачем? Столько материала перемолола для будущей книги, «Хвала женственности», как она про себя будущей труд называла, заказ феминистской организации, платят вполне сносно. Гранты, помощь фондов социальных исследований, в подробности Рита не вникала. Организация и понятия не имела, что писать Рита собиралась вовсе не то, что от нее ждут. Ну, сколько можно высказываться в привычной манере «кулаком по столу»? Вот фрагмент феминистского манифеста, типичный:

«Радикальная феминистская перспектива: мужчины как класс ведут войну против женщин. Изнасилование, избиение, инцест, проституция, порнография, нищета, гетеросексуальность и фемицид являются основными инструментами поддержания системы мужского господства. Мы должны противостоять всем формам иерархии и эксплуатации, в том числе мизогинии, расизму, классизму, эйблизму, эйджизму, и всем другим взаимосвязанным формам угнетения, входящим в систему мужского господства. Мы должны стремиться к ликвидации отношений господства / подчинения в нашей личной жизни и наших сексуаль-